

*Совершенно
бесплатно
(свободная цена)*

Борьба за наши жизни

Учебник по анархии

[Увертюра: правдивая история]

Мы свалили из школы, развелись, порвали с нашими семьями, самими собой и всем, что мы знали раньше. Мы уволились, забили на выплаты по кредитам, выбросили всю мебель на тротуар и отправились в путь. Мы качались на качелях детских площадок, пока не переставали чувствовать ноги из-за обморожения, любуясь игрой лунного света на покрытой утренней росой траве, читая ветру свои стихи, обращённые к нашим друзьям. Мы ложились спать под утро и валялись с открытыми глазами в предрассветные часы, вспоминая всё то ужасное, что мы совершили по отношению к другим и что другие люди совершили по отношению к нам. Мы смеялись, благославляя и прощая друг друга и эту безумную вселенную. Мы тайком проникали в музеи кино, где показывают старые фильмы Ги Дебора, чтобы написать на спинках кресел девизы вроде *«сражайся быстрее и быстрее, друг: старый мир уже позади»*.

С руками, всё ещё источающими аромат бензина, мы любовались восходом солнца, шёпотом обсуждая, что мы будем делать дальше, возбуждённые от осознания собственной безграничной силы. Мы пользовались украденными телефонными картами, названивая нашим несовершеннолетним любовницам и любовникам и занимаясь с ними сексом по телефону. Из телефонных автоматов в фойе полицейских участков. Мы врвались на огороженные территории, чтобы поплескаться в частных бассейнах и саунах богачей, наслаждаясь ими так, как ни одному буржую и в голову не придёт. Мы прокрадывались в офисы, где наши вдолбленные в офисное рабство товарищи бесцельно перекладывали бумажки из одной стопки в другую для услаждения взглядов жалких офисных деспотов. Там мы сочиняли антиимпериалистические манифесты - или просто ложились спать под стол. Утром мы чистили зубы перед кулером и шокировали

сотрудников своим полуголым видом.

Мы переживали будоражащие кровь, возбуждающие моменты, когда нам удавалось совершать то, что раньше казалось невозможным. Когда мы плевали в лицо вероятному задержанию и останавливали свой бег, чтобы поцеловать красотку на улице. Когда мы вывешивали баннеры с верхушек национальных памятников, когда мы бросали институт... Мы всё это совершали, затаив дыхание, нам казалось - вот сейчас-то, когда мы это совершим, время остановится и солнце упадёт на землю. Но нет!

Мы стояли или были коленопреклонны в пустых концертных залах, на крышах во время грозы и бури, на мёртвой траве старых кладбищ и со слезами на глазах клялись никогда не возвращаться. Мы сидели в приёмных деканов институтов, подпирали спинами обшарпанные остановки междугородных автовокзалов, лежали на одноразовых простынях в отделах неотложной помощи негостеприимных больничек, на жёстких скамьях тюремных столовых. Сквозь стиснутые зубы мы произносили те же клятвы с той же нежностью в голосе. Мы общаемся через вырезанные на партах слоганы, граффити и трафы на стенах переулков, через разбитые витрины корпоративных офисов и банков, которые показывают (или не показывают) в вечерних новостях, посредством писем с поддельными почтовыми марками. Передаём сообщения с друзьями, нелегально пересекающими границы между государствами, распространяем инструкции в зашифрованных электронных письмах, отправленных с анонимных почтовых ящиков. Проводим тайные собрания в кофейных и чайных, вырезаем слова любовной лирики на топчанах в КПЗ.

В своих домах и постелях мы укрывали нелегальных иммигрантов, политических беженцев, находящихся в федеральном розыске товарищей, повзрослевших подростков,

сбежавших от родителей. И они в свою очередь укрывали нас. Мы постоянно работаем над усовершенствованием рецептов печений, пирогов, завтраков в постель, еженедельных бесплатных обедов ЕВБ в городских парках - всё ради этих прекрасных и буйных праздников нашей отваги и духовной близости. Всё ради возможности ощутить сладость нашими языками и жар огня нашей кожей.

Мы доверяем друг другу наши сердца и аппетиты, вместе мы сочиняем симфонии ласки и удовольствия, мы наделили глагол *любить* восторженным смыслом. Мы крушим их гендерные нормы, этнические стереотипы и культурные предубеждения. Своими телами, желаниями и межличностными отношениями мы демонстрируем, насколько ограничены и искусственны их предостережения о человеческой природе. Мы пишем собственную музыку и исполняем её друг для друга, поэтому, насвистывая себе под нос, мы отдаём дань уважения творчеству товарищей, а не воспроизводим тупую мелодию из радиоприёмника. В спешно занятых прихожих знакомых мы оказываем первую помощь больным иностранным любовникам и сочиняем тексты, которые могли бы зажечь сердца окружающих нас людей. За мгновение до восхода солнца, с жигами в дрожащих руках, мы поджигаем тачки фашистов. Ногами, кулаками, ножами и стволами мы сражаемся с наци на улицах наших городов, когда остальным ссыкотно

осудить их хотя бы на словах. Мы высаживаем сады в заброшенных уголках города, путешествуем вокруг света автостопом за 80 дней, бросаем петарды, дымовые шашки и молоты в ментов и фашистов, торты в банкиров и королей. Мы играли вместе на саксофонах во тьме пещер Западной Вирджинии, музицировали на цимбалах и варганах в поющих пещерах обратившихся в прах хазарских городов, на Трабзонском побережье Чёрного моря мы пели горловым пением под звуки свирелей, тамбуринов и дарбук.

Вооружённые булыжниками и арматурой, мы несколько ночей к ряду защищали от жандармов парижские баррикады, пока в тумане слезоточивого газа не забрезжил новый мир. Мы прорвались через ряды акабов к зданию оперы, захватили его, приспособив под общегородские ассамблеи и круглосуточные дискуссии по всем вопросам, касающимся нового мира, который возможен. Мы организовали подпольную сеть взаимопомощи и создали подходящие медицинские условия для нелегальных абортов, а также необходимую атмосферу поддержки и внимания, хотя религиозные фанатики и моралисты с радостью смотрели бы на нас, если бы мы подышали в слезах и позоре в подворотнях. Когда враги окружили нас на улицах Нью-Йорка, мы массировали друг другу плечи в ожидании ареста. В Квебеке мы разобрали дорожное покрытие и выбивали булыжниками на дорожных знаках давно забытые ритмы Земли. И звук был более всеобъемлющим и красивым, чем любая песня, исполненная когда-либо в концертном зале. Когда нас попытались оградить забором и ментовским оцеплением, мы перекрыли центральную улицу города. Мы хватили заборы и прорывались через ментовское оцепление, когда они пытались разделить нас и отрезать от наших

друзей. Мы грабили банки Сантьяго, чтобы финансировать печать сборников оскорбительной антигосударственной поэзии. На улицах Греции и Франции мы раздавали людям продукты из супермаркетов. Мы выносили нужную нам одежду и деньги из фашистских лавочек и шоу-румов. В Сибири мы составляли безумные планы побегов и воплощали их в жизнь, перебираясь на другой конец земли с поддельными документами и заимствованными деньгами, чтобы, наконец, оказаться в тёплых объятиях наших друзей. В Монтевидео, засквотированном городе, мы строили хижины из штакетника и пластикового сайдинга, воровали электричество у местной энергетической компании, обсуждали с нашими соседями возможности внести посильный вклад в жизнь всего сообщества. Когда в Сан-Диего нас бросили в тюрьмы за высказывание наших убеждений вслух, мы позвали в гости друзей, наполнив их тюрьмы до отказа. Им пришлось изменить свою политику. Мы устроились жить на деревьях в Орегоне, чтобы защитить родные нашим сердцам леса от вырубки. Случайно встречаясь в Мексике на пересадках с одного товарняка на другой, мы обменивались историями о сотрудничестве с сапатистами в Чиапасе, о наводнениях, случайно увиденных при проезде через Техас, о дедах и бабках, сражавшихся во времена Мексиканской Революции. Мы сражались в той далёкой революции. И в гражданской войне в Испании. Состояли в рядах французского Сопротивления, участвовали в русских революциях 1905-го и 1917-го - но не на стороне красных или белых. Истошённые бессонницей и плохой погодой, мы пересекали Украину на лошадях, чтобы сообщить новости о конфликтах, дававших нам шанс на завоевание личной свободы.

Напряжённые, но не сломленные, мы контрабандой перевозим через границы постеры, книги, оружие, беглецов, самих себя. От Канады до Пакистана. От Финляндии до ЮАР. С чистой совестью мы лгали операм из убойного отдела Рено, военным полицейским Сантоса, злым родителям в Осло, борцам с экстремизмом в Новосибирске и Химках.

С радостью мы говорим друг другу правду. Даже такую, какую никто и никогда не осмеливался раньше сказать. Когда мы не можем сбросить правительство, мы помогаем повзрослеть новому поколению, которое вкусит сладкий адреналин стремительных атак и тюремной каши, которое отправится на этот экзотический поиск свободы, когда мы падём от пули фашиста или чекиста или опустим руки перед лицом безжалостного наступления сервильных обывателей. Когда мы могли свергнуть правительство, мы так и поступали. Десятилетие за десятилетием, век за веком мы сменяем друг друга в качестве свидетелей перед судом. Мы кричим так громко, чтобы было слышно даже самому тугому на ухо самодовольному добропорядочному гражданину в заднем ряду зала суда: "... и если бы у меня был шанс что-то изменить, я бы всё равно поступил именно так!"

Когда холодное зимнее солнце освещало розовыми лучами последствия нашей зимней ночной вечеринки в неотпапливаемом сквоту, мы собирали в мешки весь мусор и принимались мыть груды посуды в ледяной воде. А наши критики в это время сидели в съёмных многокомнатных квартирах с центральным отоплением и горячей водой и набивали в оплаченном по кредитке интернете на честно купленном компьютере пасквили с риторическими вопросами о том, кто будет заниматься грязной работой после социальной революции, или замечаниями, что наша политика ужасно буржуазна.

Пока благие намерения либералов и реформистов тонут в бюрократической трясине, мы собираем еду на помойках ресторанов и супермаркетов, в городских партизанских садах, воруем в супермаркетах и кормим бездомных. Вламываемся с болторезами и кувалдами в заброшенные и приговорённые к сносу здания, чтобы превратить их в настоящие дворцы для королей нищих и бандитских атаманш. Зажимаем раненым товарищам раны и обнимаем умирающих друзей.

Мы влюблялись среди руин, кричали наши песни под гвалт возмущения обывателей, плясали что есть сил в самых тяжёлых кандалах, которые могли выковать наши тюремщики. Мы контрабандой перевозили наши истории, превозмогая бесконечную тишину одиночества, голод и угрозы. Чтобы они вновь и вновь оживали, зажигая запалы бомб и сердца друзей. Мы строили замки в облаках из обломков ада на земле.

Один из нас даже убил президента США.

Не признавая внешних ограничений, мы отказались сами создавать ограничения для себя - и обнаружили, что мир раскрылся перед нами, подобно бутону розы.

Я говорю, конечно, об анархистах — и когда люди спрашивают меня о моей политической ориентации, я отвечаю им: лучшая причина, чтобы стать революционером — это то, что так лучше живётся. Их законы гарантируют нам право молчать, право на открытый судебный процесс и суд присяжных (“суд равных” - хотя те, кто мне ровня, никогда бы не вздумали судить меня. А ваша ровня?) А как же право прожить жизнь так, как будто у нас не будет другой возможности, право проводить ночи напролёт в важных беседах, право оглядываться на каждый день без сожаления и горечи? Такие права стоит только требовать — и разве не должно это стать нашей основной задачей, а вовсе не кивком в сторону протокола и вопросом выживания?

Для тех из нас, кто родился в тюрьме, созданной потом и кровью менее удачливых заключённых, проблема прожить жизнь так, чтобы о ней можно было рассказывать истории - это жизненный проект, и, между нами, достаточно крутой жизненный проект. Но всё, что от нас требуется в каждый момент времени, чтобы начать реализовывать этот проект - это бросить вызов нашему заключению.

Когда мы сражаемся - мы боремся за наши жизни

ВОЗМОЖНО, ТЫ УЖЕ @НАРХИСТ(КА)

Это так. Если твоё представление о здоровых человеческих отношениях – это обед с друзьями, где все наслаждаются компанией друг друга, обязанности разделены неформально и добровольно, и никто никому ничего не приказывает или продает, тогда ты – анархист(ка). Единственная проблема - это как организовать другие твои социальные взаимодействия в соответствии с этой моделью.

Всякий раз когда ты действуешь, не дожидаясь команд или официального разрешения, ты - анархист(ка). Каждый раз, когда ты обходишь идиотское правило, потому что никто этого не видит, - ты анархист(ка). Если ты не доверяешь правительству, системе образования, Голливуду, или менеджерам в том, что касается твоей жизни, - это тоже анархизм. И уж тем более можно сказать что ты анархист(ка), когда ты придумываешь свои собственные идеи, инициативы и решения.

Как легко заметить, анархизм - это то, что движет жизнь и делает её интереснее. Если бы мы полагались на власти, специалистов и техников в решении всех проблем, мы бы не только жили в мире, полном проблем, но и в ужасно надоевшем — и скучном — мире. Сегодня мы живем в (ужасно скучном!)мире катастроф, где единственная проблема - наш отказ от ответственности и контроля.

Немного анархизма присутствует в каждом здоровом человеке. Это необязательно должно проявляться в бросании “молотовых” или ношении черных масок, хотя ты, возможно, видел@ это по телевидению (веришь всему, что показывают по телевидению? это не анархично!) Истоки анархизма – простой импульс к самостоятельности. Всё остальное вытекает из этого.

Вступление: Генеалогия Силы

В начале была гармония: человеческие племена жили в согласии и единении с природой, занимаясь охотой и собирательством, проводя время в готовке и потреблении пищи, играх, сне, пении и музицировании, занятиях любовью, рассказывании друг другу историй. Иногда случались ссоры, звучали бранные слова, люди обменивались ударами.

Когда это случалось, племя собиралось и пыталось мирно прийти к решению конфликта. Племена, которым это не удавалось, распадались, а их члены умирали от голода и холода, или становились пищей диких зверей, если им не удавалось найти/ сформировать собственное племя, где бы межличностные конфликты успешно решались к обоюдному удовлетворению сторон. Противоречия между племенами разрешались в аналогичной манере. В течение многих тысяч лет это был стиль жизни для всего человеческого населения планеты.

Но однажды произошёл конфликт, который невозможно было разрешить. Дискуссии, попытки умиротворения, драка - всего этого уже оказалось недостаточно. Противники продолжали искать способа отомстить. По причине ли духовного разложения или некой технологической/культурной инновации, которая заставляла их продолжать борьбу за гранью здоровых отношений, но стороны не смогли вернуться к мирному сосуществованию. Они стали орудиями войны. Изменилось их отношение к окружающей среде: землю надо было немедленно завоевать и начать обрабатывать, чтобы запастись достаточным продовольствием на всё время конфликта. Изменилось их отношение друг к другу: каждый человек уже рассматривался в качестве потенциального союзника или врага в войне. Высшей добродетелью стала физическая сила.

Соседние племена не избежали заразы. Вскоре они оказались втянуты в конфликт. Им пришлось столкнуться с доселе неизведанным врагом. Многие из мирных сообществ оказались сразу же уничтожены. Иные,

которые вознамерились выжить любой ценой, пришли к пониманию, что им тоже следует превратить мирные селения в военные лагеря. Так же, как и агрессоры, они принялись обрабатывать землю и подчинять себе животных, поработать побеждённых врагов, в том числе собственных соплеменников. Они шли на всё перед лицом ужасной опасности. И сами стали стократ ужаснее. Племенным общинам пришёл конец.

Подобно раковой опухоли, по всей планете от племени к племени распространялись диковинные перемены. Маленькие племена сливались в большие сверх-племена, а затем в нации. Временные военные вожди превращались в наследственные монархов. Людское видение жизни в мире и согласии затуманилось образами массовых побоищ. Племена изменились не только в военном отношении. Территория обитания захватывается, закрепляется и размечается. Так появился новый источник конфликта, неизвестный кочевым племенам, - жизненное пространство. Изобретается рыночная экономика. Люди, потерявшие друг к другу всякое доверие, требовали торговых отношений там, где раньше существовала экономика дара, и бросились перебивать цены, чтобы сорвать куш даже в мирное время. Появился патриархат: необъявленная война полов, установление гендерных ролей "воин" и "служанка", которые вскоре были институционализированы и стали силой навязываться новым поколениям людей старшими. Изобретается организованная религия: теперь мужчины не только сражаются за территорию, продовольствие, собственность и ради мести, но ещё и за власть над сердцами и умами друг друга.

Все эти нововведения оказываются катастрофическими для человека. Негативные эффекты новых обычаев пытаются исправить очередным набором изобретений, которые влекут ещё большие катастрофы. Управительства, созданные для защиты народов, устанавливают налоги и утопают в роскоши, пока простолюдины гнут спину на полях и в цехах. Полиция заполонила улицы, якобы для предотвращения преступлений. И полицейские теперь безнаказанно совершают одни из самых тяжких преступлений против личности. Пытаясь защитить себя от ужасных порождений цивилизации, народы плодят новых монстров.

Более малочисленные нации, яростно обороняющиеся от нападков "великих" наций, вооружаются до зубов. Они с головой бросаются в омут борьбы и захватнических войн в качестве непропорциональной ответной реакции на агрессию, пока сами не становятся империями. Римская Империя выросла из сопротивления сельских жителей наступлению этрусских городов. И вслед за ней остальная Европа становится змеиным логовом, в котором кишат соперничающие империи, возникшие на обломках поверженной Западной Римской Империи. Позднее историки напишут о кровавых войнах, которые велись на периферии каждой цивилизации, как о безусловном доказательстве того, что за фронтиром лежат земли кровавого варварства, "сердце тьмы". Но больше похоже на то, что именно миролюбивые варвары пытались защищаться от алчущих крови "цивилизаторов". Возможно, в глубинах каждой империи, в глазе бури, есть своё "сердце тьмы", укоренившееся в преисполненной насилия человеческой жизни настолько прочно, что стало

практически незаметным случайному наблюдателю: кажется, будто рабы свободны перемещаться по улицам городов, но на деле они не в состоянии даже бунтовать. Гладиаторы убивают друг друга в цирках. Это называется "развлечением".

Следующий виток военных противостояний уже был следствием безумия, охватившего общество, а не его причиной. Отныне, невидимое насилие экономических законов управляло видимым военным насилием: солдаты прорубали путь в оставшиеся дикие уголки варварской планеты, чтобы купцы могли прибрать к рукам ещё немного ресурсов, а вновь цивилизованные варвары - пополнить общество потребления. Целые континенты осквернялись, их народы обращались в рабство. Нищета и убожество, в которое ввергались покорённые народы, приводились захватчиками похищенных миров в качестве доказательства расовой неполноценности коренного населения! Миссионеры вышли на передний край колониальной борьбы, силой устанавливая власть воли Всевышнего, одновременно с солдатами, обеспечивавшими власть жестокости. Ужас в обмен на земли, кровь за деньги и деньги за кровь - вот чем повелевает христианский Бог. И вот что повелевает Им самим.

Последователи миссионеров молятся непосредственно рынку. Эти новые жрецы устанавливают власть сильного даже успешнее, чем солдаты: грядёт день, когда для покорности рабов уже не будут нужны окопы, когда простого идолопоклонничества будет достаточно, чтобы удерживать их в подчинении и провоцировать на внутренние конфликты в своей среде. Никто из ныне живущих уже не помнит иной жизни, а дети воюют между собой и своими родителями, сосед восстаёт на соседа. И призраки страха и алчности смотрят свысока на свою империю. Короли, генералы, президенты поднимаются на олимп и падают в бездну небытия, но система, иерархия, остаются неизменными: *соревновательность* правит миром, выбирая себе новых любимчиков и без сожаления выбрасывая старых.

Все, участвующие в этих жестоких отношениях, отчаянно хотят вырваться из их тесных рамок, но каждый неизбежно уносит в себе семена насилия, заражая и уничтожая тем самым каждое убежище, до которого добираться. Как это случилось с политическими беженцами, искавшими свободы в "Новом Свете", или с коммунистами, низложившими Царя. И даже те, кому удался побег, всего-навсего подготавливают пространства для катков конформизма и включения, которые следуют за ними по пятам. Художники селятся в бедных кварталах, провоцируя джентрификацию, а провокационные фотографии поколение спустя обнаруживают себя авторитетами в фотографиях индустрии мод.

Уровень насилия достигает отметки абсолютного максимума. Школьники, почтальоны - в прошлом воплощённая социабельность - берутся за оружие и начинают хладнокровно валить своих бывших товарищей и соседей. Приходские священники насилуют мальчиков из церковного хора, отцы избивают до полусмерти дочерей, юноши насилуют своих подруг на свиданиях. Тюрьмы переполнены. Миллионы гибнут в холокостах, творящихся во всех нациях в любое десятилетие века. А уцелевшие жертвы становятся инженерами следующей массовой бойни. Ядерные боеголовки направлены на всех и каждого - обсуждение ядерного апокалипсиса давно стало банальностью. Теперь мы все приговорены к смерти, мы все - политзаключённые. Даже в непреступной цитадели,

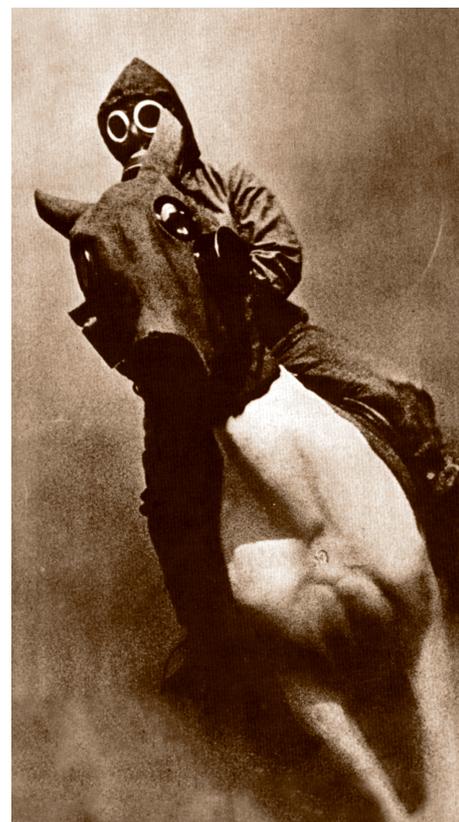
к которой мнят себя США, которую защищает самая технологически развитая и оснащённая армия солнечной системы, - даже в ней "белые воротнички" с полным социальным пакетом и м е д и ц и н с к о й страховкой рискуют своей жизнью - ведь на них может упасть самолёт или рухнуть небоскрёб. Террор угрожает всем нам.

С е г о д н я п а л е с т и н с к и й подросток пытается решить уравнение: перевешивает ли уже ненависть к врагам, захватывающим его мир, его любовь к жизни или пока ещё нет? Он думает об о т ц е - к а л е к е , о с н е с ё н н о м бульдозером доме, о погибших друзьях. Каждый день они также решали то же уравнение. И каждый день приходили к одному и тому же решению. Пока, наконец, не пришли к другому.

Где же посреди всего этого ужаса любовь? Всё там же, где и всегда: в семейных обедах, в дружеских объятиях, в подарках, которые дарят из радости дарения. Мы всё так же прощаем, общаемся, влюбляемся. Иногда люди самоорганизуются в целые "племена" с целью борьбы с общим врагом - не из злобных побуждений, но ради мира, в надежде разрешить конфликт способами, применявшимися задолго до появления войн и коммерции. И эти моменты объединения - пусть они пока возможны лишь между небольшим числом личностей - до сих пор обладают той внутренней мощью и до сих пор столь же ценны, как и в далёком прошлом. Они до сих пор заразительны, как заразительны жестокость и ненависть. Но для того, чтобы заразиться любовью, у вас должно быть нежное сердце, не покрывшееся бронёй цинизма и любви к насилию.

Мир с нетерпением ждёт войны против войн, вооружённой любви, дружбы, которая была бы способна себя защитить. Анархия - это слово, которое мы используем для описания тех моментов, когда никакая сила не может нас подчинить, когда жизнь расцветает (как и должно быть). Анархизм - это наука о создании и защите этих моментов. Это оружие, которое стремится к собственной бесполезности - единственный вид оружия, которое мы согласны брать в руки, вопреки всему надеясь, что на этот раз, благодаря неведомой нам алхимии, его уже нельзя будет обратить против нас.

Мы знаем, что после Революции, после каждой революции, никуда не денется борьба между любовью и ненавистью, между принуждением и свободным сотрудничеством. Но и в будущем, и сейчас, и всегда самым важным вопросом будет следующий: на какой ты стороне?

Функционирует ли анархия?

Люди с очень маленькими познаниями в истории часто говорят об анархии, что она никогда не будет работать, и не осознают не только того, что она работала на протяжении почти всей человеческой истории, но и того, что она работает прямо сейчас. Давайте на время оставим в стороне Парижскую Коммуну, республиканскую Испанию, Вудсток, компьютерные программы open source и все прочие ограниченные примеры революционного анархизма. Анархия — это просто кооперативное самоопределение, это часть повседневной жизни, а не что-то, что начнётся лишь «после Революции». Анархия функционирует сегодня повсюду среди друзей — так как мы можем сделать ещё больше наших экономических отношений анархистскими? Анархия в действии - это когда люди сотрудничают в турпоходе или организуют бесплатную еду для голодных людей. Как же мы можем применить этот опыт к нашим отношениям в школе, на работе, в районе?

Проконсультируемся у теории хаоса: анархия — это хаос, а хаос — это порядок. Всякая естественно упорядоченная система — джунгли, дружественные соседи — это гармония, в которой баланс поддерживает сам себя посредством хаоса и возможности. Систематический беспорядок, с другой стороны, — дисциплина в школьном классе, стерильные ряды генномодифицированной пшеницы, защищённой от сорняков и насекомых - может быть поддержан лишь постоянной эскалацией насилия. Некоторые, считающие, что беспорядок есть лишь отсутствие всякой системы, путают его с анархией. Но беспорядок — это самая безжалостная система из всех: беспорядок и конфликт, если не разрешаются, быстро систематизируются, возводя иерархии согласно своим беспощадным потребностям — эгоизму, бессердечности, жажде власти.

Беспорядок в своей наиболее развитой форме есть капитализм: война всех против всех, повелевать или подчиняться, продавать или быть продаваемым сверху донизу.

Мы живём в чрезвычайно насильственное и иерархическое время. Маньяки, считающие, что выигрывают от этой иерархии, рассказывают нам, что насилие было бы куда более худшим без него. Они не понимают, что сама иерархия - будь то неравенство в экономическом статусе или политической власти - является следствием и воплощением насилия. Не то, чтобы насильственное удаление властей непосредственно положило бы конец вспышкам насилия, порождённым ещё большим насилием (на что и указывает их существование). Но пока

мы не научимся, как относиться друг к другу как к таким же живым существам, а не под прицелом тех, кто выигрывает от нашей вражды, между нами не может быть мира.

Это состояние поддерживается не только оружием, не только вихрем иерархии, расчётами «убить-или-быть-убитым»: оно также поддерживается мифом успеха. Официальная история представляет нам наше прошлое как историю Великих Людей, а все остальные жизни — как простые последствия этой причинности; нас пытаются заставить поверить, что есть лишь несколько субъектов истории. Остальные из нас — их объекты. Что подразумевается всякой иерархией - так это то, что в целом обществе есть лишь один «свободный человек»: царь (или президент, исполнительная власть, кинозвезда и т.п.). С тех пор, как считается, что так оно всегда было и всегда будет, работает расчёт, что мы все должны бороться, чтобы стать им или, по крайней мере, благобно согласимся с нашим положением под ним, должны с благодарностью топтать тех, кто оказался под нами для того, чтобы мы могли ещё раз удостовериться в нашей ценности.

Но даже президент не свободен настолько, чтобы пойти прогуляться по тому району, где ему захочется. Зачем соглашаться только на часть мира или того меньше? В отсутствие силы — в эгалитарных постелях истинных любовников, в демократии преданной дружбы, в лишённых лидеров федерациях игроков, наслаждающихся хорошими вечеринками и среди соседей, болтающих за вышивкой, — все мы королевы и короли. Может ли анархия «функционировать» вне таких прибежищ или нет - не ясно, зато становится всё яснее, что иерархия не может. Посетите модельные города нового мирового «порядка»: отдохните в пробке из частных транспортных средств, среди потеющих и ругающихся в изолированном унисоне водителей, в океане, полном отходов, справа, и гетто слева, где сталкиваются банды в униформах и без. Полюбуйтесь вершиной человеческого прогресса. Если это — порядок, то почему бы не испробовать хаос?!

Анархия, а не анархизм!

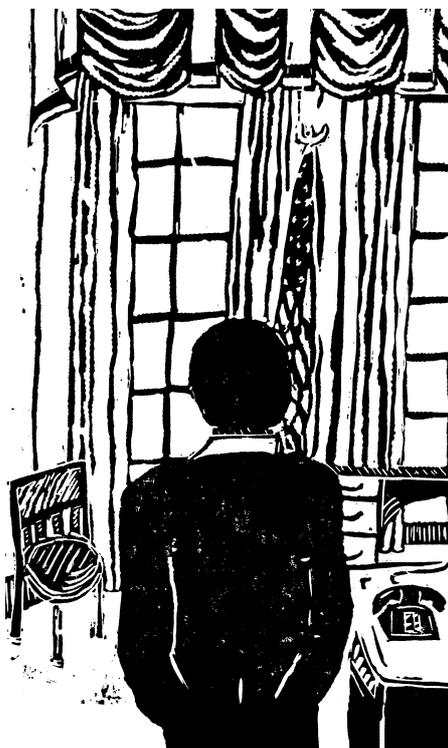
Говорить, что анархисты подписываются под анархизмом - всё равно, что говорить, что пианисты подписываются под пианизмом. Анархизма нет — есть анархия. Или лучше: есть анархистки и анархисты.

Ведь столь же долго, как существовала власть, существовал и дух анархии, поименованный или безымянный, объединяющий миллионы или укрепляющий решимость одиночки. Рабы и дикари, сражавшиеся с римлянами за свою свободу и жившие в вооружённой вольнице, в равенстве и братстве; матери, воспитавшие в своих дочерях любовь к своим телам для защиты от рекламы диет, подступающей со всех сторон; отступники, раскрасившие свои лица и сбросившие чай в Бостонскую гавань, и все другие, взявшие свои дела в собственные руки: все они были анархистами, называли ли они себя Рантерами, Таборитами, Коммунарками, Аболиционистами, Йиппи, Синдикалистами, Квакерами, Матерями Исчезнувших, Едой Вместо Бомб, Либертарианцами или даже Республиканцами — также как и все мы являемся анархистами, поскольку делаем общее дело. Сегодня анархистов так же много, как много учеников, прогуливающих школу, родителей, скрывающих доходы, женщин, учащихся ремонтировать свои велосипеды, любовников, желающих запретного. Им не надо голосовать за анархистскую партию или партийную программу — это бы *дисквалифицировало* их - пусть на мгновение - как анархисток и анархистов: анархия *есть способ бытия*, манера реагирования на условия и отношений с другими, *класс человеческого поведения*... а не «рабочий класс»!

Забудьте об истории анархизма как идеи — забудьте бородатых мужиков. Одно дело — развить язык для описания какой-то вещи, другое дело — полностью жить ею. Речь не о теориях и формулах, героях или биографиях — речь о твоей жизни. Анархия — вот что важно повсюду, где она возникает, а не кабинетный анархизм, исследование свободы специалистами! Есть самопровозглашённые анархисты, которые ни разу не испробовали ни дня анархии в своей жизни — нам следует знать, насколько мы можем доверять *им* в этом вопросе!

Так как же будет функционировать анархическая утопия? Это вопрос, о котором мы больше никогда не должны дискутировать. А если мы когда-то так делали - то это был отвлекающий маневр! Это не утопическое видение, программа или идеал, которым надо служить, это просто способ действия, создания связей, или решения проблем — уж точно никогда не оставим все проблемы позади! Быть анархисткой или анархистом - не означает верить, что анархия (или - чего хуже! - анархизм), приведёт всё в порядок. Быть анархист(к)ом(й) лишь означает понимание того, что решение *наших* проблем находится в наших руках и что никто и ничто больше не может делать это за нас. Мы должны признать, что,

нравится нам это или нет, наши жизни находятся в наших руках — и в руках друг друга.

Он обращается к ежедневной газете, чтобы изучить полюса мнений. Рассматривая темы через этот фильтр, он видит то, что ищет, но не тех, на кого он смотрит. Тысячи бомбардировщиков-стелс, десятки тысяч солдат, сотни тысяч бомб и пуль, защищающих императора от его империи. Будем надеяться, что этого окажется недостаточно

Вот на что похожа демократия?

“Практически каждый любит демократию и ненавидит правительство. Анархия - это демократия без правительства!”

Анархистки и анархисты используют демократию — но мы не позволяем демократии использовать нас. Для нас первым и последним вопросом *всегда* являются нужды и чувства вовлечённых людей — всякая система, обращающаяся к ним, в лучшем случае временна. Мы не пытаемся втиснуться в рамки каких-либо устоявшихся процедур, мы полностью используем процедуры, пока они служат человеческим потребностям, и отбрасываем их, если они перестают. Нет, серьёзно, что должно стоять на первом месте — наши системы или *мы*?

Мы сотрудничаем или сосуществуем с другими, включая иные образы жизни, когда это только возможно. Но мы не превозносим консенсус, а тем более Главенство Закона, над нашими собственными ценностями и мечтами — если мы не можем прийти к согласию, мы скорее разойдёмся, чем решим ограничивать друг друга. В крайних случаях, когда другие отказываются признавать наши потребности или упорствуют в совершении неразумных, вредных вещей, мы вмешиваемся, используя любые необходимые средства — *не ради* Справедливости или из мести, но лишь для того, чтобы наши интересы были представлены.

Мы видим в законах ни что иное как тени обычаев наших предков, удлинённые годами и кажущиеся более мудрыми, чем наш собственный рассудок. Они продолжают существовать подобно нежити, вынуждают нас к неестественным отношениям, которые не создают справедливости, но только мешают ей — в то же время они отчуждают нас от неё, учреждая её как нечто, чего мы *не можем* добиться сами, без таинственных формальностей и судейских париков. Эти законы, умножившись и атрофировавшись со временем, теперь так чужды и непонятны, что жреческий класс адвокатов живёт за счёт остальных подобно астрологам, пытающимся судить о поведении звёзд, нашими же предками размещёнными на неустойчивых орбитах. *Тот, кто утверждает, что справедливость может быть достигнута лишь посредством законности — это тот же, кто на скамье свидетелей военного трибунала будет утверждать, что всего лишь следовал приказам.* Нет правосудия — есть только мы.

Экономика анархии

Анархические экономики радикально отличаются от всех других экономик. Анархистки и анархисты не только осуществляют по-иному свои транзакции, но и пользуются при торговле совершенно иной валютой — той, которая не конвертируется в прибыли, ради которых состязаются капиталисты, а коммунисты разрабатывают пятилетние планы. Капиталисты, социалисты, коммунисты обмениваются продуктами, - анархисты обмениваются поддержкой, вдохновением, преданностью. Капиталистические, социалистические, коммунистические экономики превращают человеческое взаимодействие в ценности: управление, медицинское обеспечение, образование, даже сексуальные отношения становятся услугами, которые продаются и покупаются. Анархистские экономики фокусируются прежде всего на нуждах и желаниях участников и участниц, трансформируя продукты обратно в общественные отношения: коммунальный опыт садоводства, фриганства, или музицирования, возбуждение и ощущение собственной крутизны при воровстве из супермаркета или сквотировании дома. Типичное экономическое взаимодействие при капиталистических отношениях — это продажа; в анархической экономике — это подарок.

«Подлец более всего страшится общества без денег: ибо в таком обществе он бы получал лишь такое уважение, которого заслуживает.» – Бен Франклин

Анархическая экономика зависит от *общественного* капитала, который является противоположностью частной собственности. Частный капитал исчезает при использовании, как в случае с деньгами, отданными поденщиками за еду. Или же, применённый с жадным расчётом, он служит для накопления ещё большего капитала за счёт других, как в случае с корпорацией, эксплуатирующей рабочих. С другой стороны, общественный капитал доступен в избытке — на самом деле, именно тот тип капитала, который становится ещё более доступным, когда кем-то употребляется: садоводческое сообщество, производящее тем больше еды, чем больше людей в нём участвуют, захваченное здание, которое тем лучше отремонтировано для общего использования и лучше защищено от полиции, чем больше людей принимают участие в проекте. В дружбе -равно как и в занятиях любовью, ужинах, танцах и айкидо - чем больше даёшь, тем больше получаешь.

Сегодня большинство из нас участвует в обоих видах экономики одновременно. Кажущаяся частной собственностью всё ещё делится, хотя бы в ограниченных контекстах: подросток приносит свой баскетбольный мяч для общей игры, рок-группа покупает общий автобус. Даже загородный дом, принадлежащий семье из среднего класса, хотя для большинства и недоступен, всё же даёт кров гостящим родственникам, встречам одноклассников или ночной вечеринке. Примеры вроде этих напоминают нам, насколько более приятным, чем коммерция, может быть дар. Анархистки и анархисты пестуют видение мира, пригодного для дара, не знающего границ.

А кто же будет мусор выносить ?

Это было в Барселоне, через несколько лет после гражданской войны, пока ещё хранилась память о синдикалистах, не стёршаяся под железной пятой фашистского режима.

Как-то солнечным весенним днём 68-й автобус как раз шёл по маршруту, когда вдруг водитель ударил по тормозам между остановками. «Блядь!», - зло выругался он на каталонском и, открыв двери автобуса, выбежал на улицу.

Пассажиры сначала испуганно смотрели, а затем начали озабоченно возмущаться. Один из них встал и начал сигналить. После нескольких коротких сигналов он навалился всем своим весом и сигнал зазвучал подобно автосигнализации, но толстый водитель продолжал спокойно удаляться вниз по улице.

Целую минуту пассажиры недоумевали в тишине. Одна пара встала и вышла из автобуса. Затем, из конца автобуса пришла огромная женщина с непобедимым самообладанием. Не говоря ни слова, она села на место водителя и завела мотор. Автобус поехал по маршруту, останавливаясь на положенных остановках, пока женщина не доехала до своей и не вышла. Другой пассажир занял её место на некоторое время, останавливаясь на каждой автобусной остановке, а затем другой, и ещё другой, и ещё, и ещё, и так, пока автобус 68-го маршрута не доехал до конечной.

Анархизм - это революционная идея о том, что никто лучше тебя самой (ого) не решит, какой должна быть ТВОЯ ЖИЗНЬ

Это значит, что мы должны научиться понимать, как организовывать совместную деятельность, чтобы удовлетворять наши индивидуальные потребности. Должны научиться совместному труду, а не “работе на” кого-то или “деятельности против” кого-то. Это также означает, что, когда наша совместная деятельность оказывается невозможна, мы предпочитаем борьбу подчинению и доминированию.

Это значит, что мы не ставим никакую систему ценностей или идеологию выше людей, чьим интересам она якобы служит, не наделяем никакой теоретической конструкт большим весом, чем что-либо, существующее в реальном мире. Это означает, что мы преданы реальным человеческим существам (животным и экосистемам), боремся за самих себя и бок о бок с друзьями и любимыми. Боремся не из “чувства долга” или “ради идеи” или ради каких-либо ещё умозрительных концепций. Это означает, что мы отказываемся признавать универсальный стандарт истины, эстетики или морали и подвергаем критике любую доктрину, отрицающую многомерность человеческой жизни.

Это значит, что ты не должен(должна) выстраивать свои желания и опыт в иерархическом порядке, но свобода(ен) принять и осознать их все во всём многообразии, можешь принять себя такой, какая есть. Это значит, что мы не пытаемся заставить себя жить по навязанным нам извне законам, не пытаемся ограничить ничьи эмоции понятиями “разумности” и “практичности” или “политической уместности”, не собираемся устанавливать границы для чьих-либо страстей и инстинктов. Не существует такой клетки, которая бы вместила всю многогранность человеческой души со всеми её порывами, взлётами и падениями. Это означает, что мы ищем такой способ прожить нашу жизнь, чтобы все наши противоречивые устремления и наклонности могли свободно выплёскиваться, в то время как мы постоянно критически их оцениваем и трансформируем по нашему собственному желанию.

Это значит, что нельзя выбрать какой-либо момент жизни в качестве “главного”, - мы не живём в ностальгии по “старым добрым временам”, мы не ждём завтрашнего дня (или, что в данном случае, одно и то же, - “Революции”), чтобы начать жить по-настоящему. Мы берём то, что нам нужно для жизни здесь и сейчас и живём каждым мгновением. Да конечно, мы ценим воспоминания о прошлом и планируем наше будущее, но мы также всегда помним, что не существует специальных “моментов чтобы радоваться” или “Революционных Моментов”, жить надо СЕЙЧАС, СЕЙЧАС, ПРЯМО СЕЙЧАС!

“Анархизм” означает отказ от перекладывания ответственности за твою жизнь на кого-то ещё, будь то родители, возлюбленные, сотрудники или всё общество. Мы сами должны быть творцами смысла и радости в наших жизнях.

И самое важное: “Анархизм” означает отказ от каких-либо манифестов или фиксированных определений в пользу постоянного созидания и трансформации “анархизма” для собственных нужд!

Цивильный гедонизм

*“Западный человек
набивает холодильник
продуктами и мнит себя
самодостаточным”*

- Ганди

*Много лет спустя я
понял, что нежный
пульс нашей дружбы
был заклинанием,
которое мы сколдовали,
чтобы поддержать
другие подобные
отношения, что каждая
мечта, которую мы
воплощали, была
семенем повсеместной
общности и единения,
семенем, из которого
вырастали другие
воплощённые мечты.*

То, что полезно для других - полезно для нас, поскольку наши взаимоотношения с окружающими формируют мир, в котором мы живём. Но попытка обслуживать чужие желания за свой счёт лишила бы окружающих всего того, что мы можем предложить как свободные и счастливые спутники. А ведь это самое ценное, что мы можем им дать. Наше видение здоровых отношений основано на постулате, что “я против них”, “эгоизм против самопожертвования” - это ложные дихотомии (как и все дихотомии вообще). Те, кто проповедует самопожертвование ради великого Блага, до сих пор находятся внутри соревновательной модели “личность-против-общества”, как и те, кто хотел бы достичь утопии индивидуальной независимости. Для нас, как личности, так и сообщества, - это клубки нитей в глобальной паутине существования, их нельзя отделить одну от другой, они все взаимосвязаны. Так ценные для нас свобода и самоопределение возможны только в контексте культуры, которую мы создаём бок о бок. Но чтобы участвовать в этом творческом акте, мы прежде всего должны создать самих себя.

То есть, если ты можешь спасти себя, ты могла бы спасти этот мир - но чтобы спасти себя, надо спасти мир.

Сообщество друзей и возлюбленных

Анархисты предлагают строить все межличностные отношения, основываясь на модели отношений внутри круга друзей, или хотя бы на модели семейных отношений. И прежде всего мы ценим те качества, которые делают дружбу возможной: надёжность, щедрость, нежность. Многие из нас с самого рождения подвергались ежеминутному воздействию иерархической доктрины, поэтому нам крайне тяжело взаимодействовать друг с другом в манере, которая бы освобождала и вдохновляла, а не калечила бы – и всё же, мы неустанно стараемся.

Каждый и каждая из нас старается давать что-то и не просить ничего взамен, старается быть таким человеком, за знакомство с которым никто не испытывал бы чувство стыда. Часто говорится, что мы выступаем против брака, но верно и обратное: да, мы акцентируем внимание на том факте, что никто не является ничьей собственностью, но даже ещё более важно то, что все обитатели этой планеты по сути живут в глобальном браке: и мы настаиваем, чтобы вы вели себя соответствующим образом :)

Это вовсе не значит, что мы встречаем солдат, пришедших за нашими детьми, с цветами в руках. Или что мы предлагаем корпорациям наших детей, когда они приходят за нашими цветами. Иногда любовь может говорить только с помощью стволов.

Самоопределение начинается дома

Не позволять чьим-то ожиданиям, каким-либо доктринам или обстоятельствам принуждать тебя к предпочтению одного аспекта твоей личности в ущерб другим. Не принимать ни свою, ни чужую сторону. Отказаться от постоянной игры в судью и присяжных на суде над собственной личностью. Не защищать девственное незнание бездействием, но учиться на ошибках и становиться мудрее. Не выбирать какой-то один путь в жизни, чтобы закрыть для себя все остальные, но выбросить на ветер лживое единство и фальшивую целостность. Находить выражение для каждого импульса и желания в нужный на твой взгляд момент и ценить богатство возможностей, сокрытое в буре событий. Делать всё это, понимая, что ты - часть сообщества, которое любит тебя без каких-либо "если". Дорожить другими людьми во всём многообразии проявления их личностей. Ведь они отражают частички тебя самой.

Жить без жалких ссор по вопросам иерархии и власти как в себе, так и в окружающем мире - вот анархическая мечта о личности.

"Я достаточно мужественен, чтобы заявить тебе, что не могу с точностью определить, какой философской позиции придерживаюсь в данный момент, но я гибок в своих взглядах."

*- Малькольм Икс,
незадолго до смерти*

Прямое действие обеспечит тебя товарами

Сообщество, участники которого сами управляют своей деятельностью и самостоятельно заботятся друг о друге, не нуждается в сопутствующих тюрьмах или заводах, чтобы "обеспечить рабочие места". Сообщества людей, имеющих собственные каналы связи, не отданы на милость корпоративным СМИ и их текущей версии "истины". Сообщество, творящее создающее собственную музыку и творящее своё искусство, организовывающее собственные социальные события, никогда не согласится на парализующий спектакль MTV, не говоря уже о сайтах знакомств и порнографии. Сообщество людей, которые знают истории друг друга и понимают друг друга, способно решать конфликты без необходимости вмешательства одетых в униформу незнакомцев с пушками. Пространство, в котором мы можем создавать подобные сообщества сегодня, является пространством, в котором мы можем решать стоящие перед нами задачи, и никакие реформы или поддачи правительства не сделают это за нас.

Институты власти хороши ровно настолько, насколько хороши работающие в них люди - и как-то так всегда получается, что там никогда нет хороших людей. Решения "сверху" снова и снова оказываются неэффективными: провал реформы здравоохранения, монетизация льгот, ложь президентов. Если вы не доверяете людям, то полиции и подавно не стоит.

Чистота - противоположная сторона целостности. Самое жестокое, что можно сотворить с человеком - это заставить его стыдиться собственной сложной природы. В наших жизненных историях нет никакого зерна морали. Любой отдельный вывод, который вы сделаете, будет ложным. Взятые все вместе, эпизоды из наших жизней нельзя сравнить или заместить. Если бы мы хотели подвести итог, то подвели бы итог против подведения итогов.

Если и можно быть в чём-то уверенным - так это в том, что для людей более важно ощущение смысла в их собственных жизнях, чем вопрос потери лица. И если они иногда поступают так, будто всё обстоит наоборот, - возможно, это потому, что уже прошло слишком много времени с тех пор, как они чувствовали, что имеют возможность выбора.

Все боги, все хозяева

Анархизм - движение аристократов. Просто анархисты настаивают, что *все* должны чувствовать себя элитой, что борьба “простого человека” может стать борьбой необычных женщин и мужчин, в которых преобразуются люди в процессе революционного действия.

Мы не питаем иллюзий: не существует короткого пути к анархии. Мы не ищем возможности “повести массы за собой” - мы хотим видеть *нацию сюзеренов*; мы не хотим быть передовым отрядом теоретиков - мы хотим наделить творческой силой *пишущих читателей*; мы не стремимся быть авангардными художниками, но хотим получить *целый зал актёров*. Мы не столько желаем уничтожить власть, сколько жаждем сделать её доступной в изобилии всем и каждому: мы хотим стать *господами без рабов*.

Мы понимаем, что борьба за власть и динамики властных отношений всегда будут неотъемлемой частью человеческой жизни. Многим из нас приходится прислушиваться иногда к “музе тирании” - и в такие моменты мы бережем для себя право повелевать другими и служить, когда захочется. Но, как говорится, единственные свободные люди на свете - это принц и нищий. Принц менее свободен, так как его удерживает и ограничивает княжество. В то же время в удачный день бродяга может ощутить, что вся вселенная создана для его удовольствия и наслаждения. Поэтому мы стараемся не опускаться до банальностей вроде борьбы за собственность и власть. И если уж борьбы не избежать, мы предпочтём иметь дело с жестокостью и глупостью других людей, а не с жестокостью и глупостью человечества, дистиллированными и управляемыми Государством.

Мы не являемся сторонниками равноправия в стиле “отнять и поделить”. Мы не хотим “опустить” богатых и успешных до “нашего уровня”. На самом деле нам даже жаль этих людей, ведь они *не достаточно* амбициозны в своих устремлениях. Надеемся, они одумаются и добровольно присоединятся к нашей борьбе за всеобщую возможность достичь величия (тогда нам не придётся их гильотинировать). Мы не возражаем против славы, приписываемой поп-идолам и кинозвездам. Но мы презираем то, как подобные чувства растрачиваются на далёкие образы, когда на самом деле для них найдётся место и в наших собственных героических жизнях. Мы не возражаем против почитания и преданности, которую получает Бог монотеистических религий. Просто нам кажется более здоровым почитать ближнего и быть преданными друг другу. Мы боремся не столько против собственности, сколько против жалких попыток обеспечить себя собственностью - потому что мы понимаем, что для того, чтобы *править миром*, нам необходимо научиться жить с ним в гармонии всем вместе. А не разрушать и изменять его по своему хотению, как сейчас происходит. Настоящий принц нищих с гордостью обходит свои дикие владения, с почтением и восхищением наблюдая за сложными взаимодействиями экосистем. Он знает, что единственное достойное поведение для правителя такой сказочной страны - это политика почитания и невмешательства (ну разве что вмешаться с целью помешать деятельности какой-нибудь уничтожающей лес корпорации). Мы не сидим в ожидании Революции, которая наделит нас заслуженными правами. Мы рассматриваем себя как верховных властителей наших жизней, немедленно наделяем себя всеми необходимыми правами и - таким образом - *постоянно творим революцию* как способ их получить и защитить.

Наша цель - всемирное господство над этой планетой. Для всех и каждого.

... И каждый бог - атеист

Анархисты не только отрицают власть Бога, Главного Полицейского Вселенной. Мы ещё и с недоверием относимся к его последователям: Природе, Истории, Науке, Морали. Мы не считаем какое-либо живое существо обязанным разделять нашу несокрушимую веру. Ведь даже когда мы принимаем мнение и оценки других людей как более истинные, чем наши, - это всё-таки именно мы решаем довериться их суждениям. Аналогично, мы не расцениваем какую-либо позицию или предположение как что-то, находящееся выше критики и дискуссии. Нам больше нравится свободно перемещаться от парадигмы к парадигме, чем спорить о Тотальной Истинности одной из них. И особенно подозрительно мы относимся к экспертам, взявшим на себя функции быть нашими представителями перед богами или в различных областях знаний. Мы предпочитаем сами познавать окружающий мир и общаемся с миром божественным напрямую, без посредников.

*Когда я веду себя хорошо
- я очень хорош. А когда
плохо - ещё лучше*

- Б. Бардо

За Справедливость как Правосудие мы не дадим и ломанного гроша. Мы хотим быть практичными и решать возникающие проблемы, а не относиться к человеческим взаимоотношениям и человеческому поведению как к ещё одному экономическому обмену (с добродетелью в качестве валюты). Мы применяем концепцию личной ответственности лишь в той мере, в которой это помогает функционировать нашим отношениям. Во всех других случаях для нас не имеет значения, грешник перед нами или праведник, морально или аморально ведёт себя товарищ, виновато общество или личность.

*"Без Истины ты
Свободнее"*

*- Граффити на стене в
Лиссабоне, канун
Рождества 2001*

Однако, да не будет о нас сказано, будто для нас нет ничего святого! Напротив, для нас свято *всё*. Отказ от иерархии означает поклонение единой, несравнимой красоте каждого живого существа, каждой частички вселенной, каждому моменту. Анафемой для нас являются "оценка" и "осуждение".

"Анархист - очень яростное существо. Это ближайший родственник гориллы. Он убивает президентов, принцев, директоров, саботирует их съезды и срывает летние отпуска. У анархиста густая шевелюра и покрытое растительностью лицо. Вместо ногтей у него длинные, острые когти. В одежде анархиста много карманов, чтобы таскать в них камни, ножи, пистолеты и бомбы. Анархист - ночное животное. С наступлением темноты, анархисты собираются в большие и малые стаи и замышляют нападения, убийства и распространение болезней. Многих привлекает процесс назначения ответственных за выполнение задачи.

Анархист не любит воду. Он никогда не моется и не меняет одежду. Он вечно страдает от жажды и пьёт только солёную воду. Анархисты особенно распространены в Европе, в основном - в Италии. Некоторых вывезли в Северную Америку, где они вселяют страх в сердца каждого достойного гражданина. Поэтому на них постоянно ведётся охота.

Папе анархисты не нравятся. Он говорит, из-за них ему снятся кошмары. Он приказывал сажать пойманных анархистов в клетки, и, насколько было в его власти, запретил ввоз новых анархистов. Если их продолжают завозить контрабандой, придётся начать их отстрел, как он поступает с бешеными псами, мексиканцами, горными львами и другими подобными животными. Я каждый день упражняюсь в стрельбе из ружья, чтобы, когда я вырасту, я смог застрелить этих диких зверей."

- Сочинение из детского садика при Белом Доме, 1904 год

Обобщения

Нас всех растили в недоверии к посторонним и в подчинении гендерным и сексуальным стереотипам, типам тела, этничности, классовым и расовым различиям. Нас подкупали привилегиями или же мордовали в ходе психологической войны, чтобы мы играли отведённые нам роли в жалком мировом спектакле. Белое превосходство, патриархат, гетеросексизм - вот столпы, поддерживающие существующую цивилизацию. Мы - анархисты и анархистки - боремся против этих структур угнетения в нашем обществе и против теней, которые они отбрасывают в наших сердцах. Но стремимся мы к чему-то большему, чем освобождение всех людей на планете, независимо от их идентичности, - мы хотим освобождения всех людей *от идентичности*.

Мы верим в отсутствие универсалов. Групповые идентичности - не что иное как самовоспроизводящаяся ложь, начинающаяся с эпизодических совпадений и заканчивающаяся навязанной универсальностью. Так, нам говорят, что существует два пола, как существует "всего" 12 тонов в каждой октаве: и когда ты смотришь на пианино, всё выглядит именно так, но попробуй открыть рот и спеть! И хотя "женственность", кажется, случается сама собой по воле природы с теми, кто вырос в местах, где все женщины бреют ноги и подмышки, на самом деле, это лишь обобщение, полученное в результате многих поколений навязанного стандартизированного поведения, эффект которого многократно усиливается с каждым повтором. Но поскольку нет такой вещи как "истинная" женственность, то и попытки обобщения имеют дело не с какой-то субстанцией, а с *общественным восприятием общих черт* явления, поэтому каждое новое поколение - это не "оригинал", а всего лишь "копия", - и вся парадигма с каждым новым поколением подвергается новому риску быть трансформированной... или отвергнутой.

В самом лучшем случае обобщения вроде класса и гендера можно использовать для того, чтобы их уничтожить: обличать и противостоять паттернам угнетения, которых полно в нашей ежедневной жизни, найти возможность объединиться для борьбы с неприметностью определённых стереотипов и мифологем. Мы хотим вырваться из этих ограничений, а равно ограничений, навязанных различными категориями и мнимыми противоречиями. Но это случится только в том случае, если мы начнём работать над этим. В группах, состоящих из мужчин, где человеческие существа формируются в качестве "мужчин", люди могут обмениваться навыками в попытке переписать это социальное программирование; в пространствах "только для женщин" те, кто выращен, чтобы быть "женственными", могут вести аналогичные совместные поиски без вмешательства мужчин. Конечно, мы защищаем право каждой и каждого на выбор идентификации, если таково их желание (хотя для некоторых из нас это подобно добровольному выбору хозяина), и ни одно видение неограниченной свободы не может являться оправданием для притворных заявлений, будто бы *хоть где-то* мир уже освободился от дисбаланса власти. Но в конечном счёте, нам нужна *революция*, а не реформа: мы не собираем подписей

под петициями за расширение прав отдельных социальных групп или за большее количество социальных лифтов. Мы захватываем и *создаём* собственные права на создание и переосмысление самих себя в каждый момент нашей жизни. И на попутное уничтожение системы разделения и стратификации!

Мы - феминистки, жаждущие отмены гендера, рабочие активисты, борющиеся за отмену работы, художники, стремящиеся к уничтожению искусства и выходу за его рамки. Наша классовая война - это война против класса, против классов и против классификации. Когда мы говорим, что мы против представительства, мы имеем в виду не только "представительную демократию", но также и то, что каждый (ая) из нас - нередуцируемая личность, что никто не имеет права выступать от имени кого-то другого. Ни политики, ни абстракции, ни делегаты, ни демографические данные - никто и ничто не может нас представлять, кроме нас самих!

Не освобождайте меня - я сама об этом позабочусь

Анархисты творят революцию, а не ведут войны

Бойтесь борьбы. Очень большое количество радикалов оказалось вовлечено в политику потому, что они знают всё о сопротивлении и ничего о чём-либо ещё. Всякое взаимодействие превращается в конфликт между силами добра и зла, каждый раз они должны “занять чёткую позицию” и “провести грань” - покуда не окажутся “одни против всех”. Для будущих вербовщиков на работу и сотрудников отделов кадров это - возможно - отличная практика, но помимо ненужного выведения из себя всех невольных свидетелей, такие люди ничего не добиваются. Большинство из нас и вовсе вскоре перестают обращать внимание на подобных сектантов. Как будто у нас без них нехватка антагонизма и неприятностей, с которыми нужно разбираться!

Всегда есть войны, в которые можно окунуться с головой, - против, против, против. Подобная борьба закрепляет власть дуальностей, которые их породили. Анархисты должны сделать войны *анахронизмом*, выйдя за рамки противоборствующих сторон. *Вот это будет революцией.*

Не вступайте в существующие конфликты на условиях, заранее определённых без вас. Не позволяйте борьбе превратить себя в пешку: сами определяйте и переопределяйте условия конфликта: например, смените лозунг “демократия против терроризма” на “свобода против власти”! Найдите способ продемонстрировать абсурдность предлогов, под которыми разгорелся конфликт, попытайтесь увлечь идеей, которая не приходила им в головы, разрушайте саму парадигму борьбы.

Не постановление, а предложение

Так что если хочешь революцию - не стоит “проводить чёткую грань” между собой и остальным миром, чтобы потом перейти к угрозам всем, кто с другой стороны черты. Не надо заниматься пропагандой единой программы действий, не надо заниматься кампаниями “ради пополнения наших рядов”. Ради всего святого, не занимайся “образованием масс”! Забудь о том, что всех окружающих надо обязательно убедить в собственной правоте - поощряй в них способности формулировать собственное мнение. Каждый человек, обладающий собственным мнением - большой анархист, чем всякий, у кого припасена Идеология Анархизма. Всякая центральная организация или признанный авторитет революции могут разве что в приказном порядке придушить самоопределение товарищей. С другой стороны, свободно действующие личности могут вдохновлять и поощрять друг в друге стремления к свободе и сопротивлению: независимости, как и всего хорошего, на планете хватит на всех нас. И конечно, нет никакой нужды - *не может быть нужды* - в центральных комитетах для справедливого распределения подобных благ!

Поэтому, когда дело дойдёт до пропаганды, не пытайся постулировать Универсальную Истину. Поиграй с Истиной, сломай её, создай *пространство*, в котором могут образовываться новые истины. Ставь *вопросы* вместо того, чтобы постулировать ответы - но помни: не все вопросы заканчиваются на “?” Для любого революционера суть заявления - его *эффект*, а не “объективность” истины. Это отличает его от философов и других ленивых ублюдков.

Историки повествуют о могучем императоре Дарии, который повёл свои армии в степи с целью завоевать скифов и присоединить их земли к своей империи. Скифы были кочевым народом и поэтому, узнав о приближении армий Дария, свернули лагерь и начали неторопливое отступление. Двигались они с такой скоростью, чтобы армии Дария всегда могли различить их на горизонте, они не могли сблизиться с кочевниками и дать бой. Многие дни скифы отступали под самым носом сил вторжения. Дни превратились в недели, недели - в месяцы. Еду кочевники забирали с собой, воду - отравляли. Они водили войска завоевателей кругами, заводили их на территории соседних народов, которые устраивали партизанские атаки на незваных гостей, и через голые пустыни, где изголодавшиеся стервятники глодали иссохшие кости. Гордые воины, привыкшие утверждать своё превосходство в быстрых, драматических схватках, исполнились отчаяния. Дарий отправил самого быстрого гонца с посланием. Тот едва-едва успел застать на покинутой скифской стоянке самого ленивого скифа: “Как ваш правитель,” - говорилось в послании, - “я приказываю вам остановиться и сражаться!”

На следующий день армии Дария нашли в степи камень, на котором было накорябано: “Если ты наш правитель - рыдай”.

Многие дни спустя, когда всякая надежда на генеральное сражение со скифами давно растаяла, разведчики Дария вдруг обнаружили лаву скифов, несущихся по степи в кавалерийской атаке. Они размахивали клинками и с большим энтузиазмом что-то кричали. Захваченные врасплох, но обрадованные перспективой долгожданного сражения, воины схватили оружие. Но с недоумением поняли, что скифы вовсе не собирались атаковать их ряды. Они атаковали что-то в стороне от армий захватчиков. Приглядевшись, воины заметили кролика, которого гнали по степи кочевники. После этого унижения, в войсках начался мятеж и Дарий был вынужден повернуть назад и покинуть земли скифов. Так скифы вошли в историю в качестве непобедимого народа благодаря своему нежеланию воевать.

Анархизм - это парадокс

... но это парадокс такого рода, который нам очень дорог. Поощрять людей к самостоятельному мышлению, захватывать власть, чтобы её уничтожить, бороться с войной - всё это противоречия. Но очевидное лицемерие - достойный подход, если вы хотите, чтобы бунтовщики свергли не только власть правительств, но и вашу собственную власть! Попытка размахивать чёрным флагом в знак протеста против флагов кажется бессмысленной, но мы все живём в тени такого большого количества флагов, что неимение собственного кажется уже молчаливым соглашением. И в этом случае бессмысленность чёрного флага становится значимой. И вообще. Чёрный флаг лучше белого по-любому!

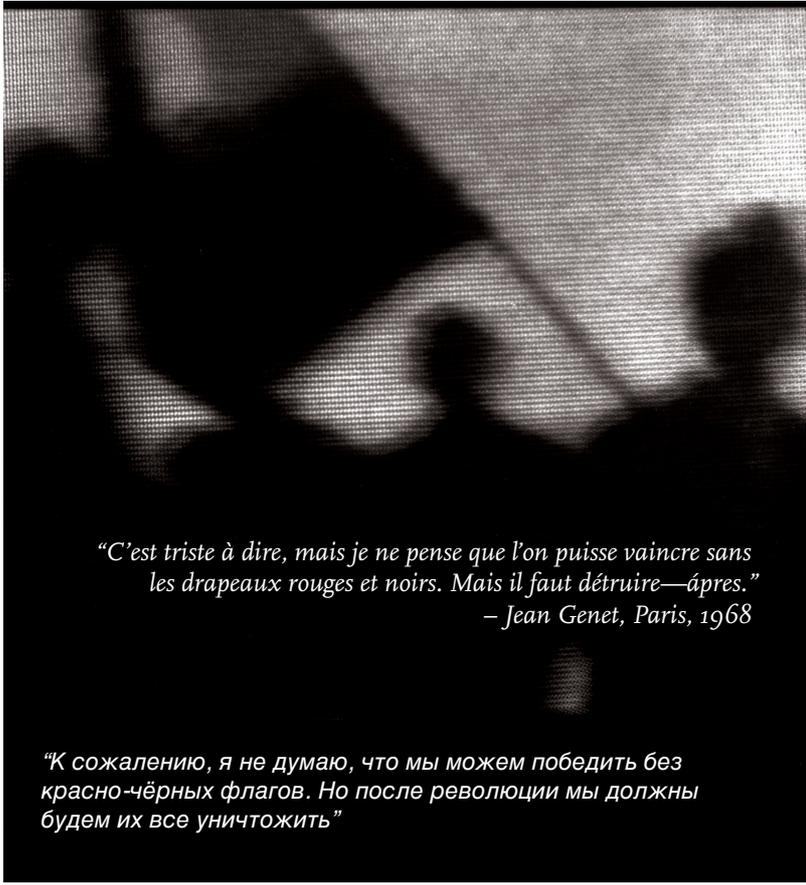
Действуй!

Итак - действуй! Не сиди на бесконечных собраниях, на которых решается вопрос о том, когда собраться, чтобы решить вопрос о проведении следующего собрания. Если у твоих товарищей столь явные мазохистские наклонности, что они ощущают чуждое большинству людей желание потратить недели, месяцы, годы на то, чтобы в споре и препирательствах выковать ту платформу, ту цепь, которой они скуют себя в революционный коллектив, чтобы потратить потом ещё несколько лет на внутренние разногласия и споры - пусть развлекаются. Но ты не долж(е)н@ присоединяться к этому чудесному процессу только ради необходимости доказать им свою преданность Революции. Не стоит делать что-либо из необходимости доказывать что-то кому-то - в конце концов, это твоя революция!

Действуй! Не требуй перемен - пусть они будут плодом твоих действий. Всё, что ты можешь достичь, - это то, на что хватит сил у тебя и твоих друзей. И этого будет немало: только так можно сохранить чувство собственного достоинства в этом безумном мире, только так можно написать историю своей собственной жизни - и таким образом дать знать другим, что они не бессильны. Когда ты действуешь, руководствуясь собственными желаниями, ты вступаешь с ними в искреннее взаимодействие - во всех иных случаях приходится тратить силы на критику твоих же товарищей. Танцуй на улице, если ты счастлив@ и желаешь этого. Сожги офис или здание, если оно тебя бесит. Любовь расцветает на полях сражений - намного проще отпустить все тормоза, когда ты можешь подкрепить свои желания делом! Когда ты живёшь в гармонии со своими самыми сокровенными желаниями, намного легче становится понять и помочь воплотить желания других людей. Найди проекты, которые привлекательны именно для тебя, которые заставляют тебя ощутить пульс жизни, своё присутствие здесь и сейчас. И не бойся казаться идеалисткой - именно то, что сейчас кажется нереальным, нуждается в воплощении. Нельзя творить, если разучился мечтать.

Действуй! Анархисты не раздают указания - мы лицензируем. Помоги другим разрешить жить самим себе, создавая прецеденты и оказывая всякую возможную поддержку. Делись навыками, создавая возможности для граждан, которыми бы они могли воспользоваться, чтобы воплотить в действии собственные радикальные идеи. И тогда ты очень удивишься, увидев тех, кто вышел сражаться со свиньями на улицах городов, когда выпала масть!

Не занимайся бездумным подписыванием петиций, позированием перед камерами, ожиданием некоего "революционного момента". Участвуй в городских маршах и фестивалях, вламывайся в заброшенные дома, чтобы вывешивать огромные баннеры, заводи разговоры с незнакомк(ц)ами, критически переосмысливай всё, что ты думал@ ты знал@ о себе, старайся уловить это разлитое в воздухе ощущение того, что что-то происходит. Живи так, как если бы будущее зависело от каждого твоего поступка - и так оно и будет. Не жди, что кто-то появится, - ведь ты уже появил@ся(ь) :) Дай себе лицензию на жизнь и разорви в клочья эти оковы и ярлыки: действуй!

*"C'est triste à dire, mais je ne pense que l'on puisse vaincre sans les drapeaux rouges et noirs. Mais il faut détruire—après."
— Jean Genet, Paris, 1968*

"К сожалению, я не думаю, что мы можем победить без красно-чёрных флагов. Но после революции мы должны будем их все уничтожить"

Прекрасные анархистки и анархисты хотят тебя

В наши дни может быть очень трудно - даже страшно - быть анархистом. Возможно, ты - одна или один из тех, кто скрывает свои анархические взгляды, во всяком случае в определённых ситуациях. Чтобы другие (не менее запуганные, причём запуганные - скорее всего - тем же самым) не обвинили тебя в "излишнем идеализме" и "безответственности" - как будто бы погребение планеты под горами мусора можно назвать образцом ответственной деятельности!

Не робей: ты не одинок@. Нас - миллионы. Мы ждём, пока ты объявишь о себе, мы готовы любить тебя, смеяться с тобой, бороться бок о бок с тобой ради лучшего мира для всех нас. Следуй зову сердца туда, где мы встретимся. Только, пожалуйста, не опоздай.

Отлично. Я заинтересован@. Что делать?

Не то чтобы мы наезжали, но... ты внимательно читал@? Мы не хотим обращать кого-то в какую-то веру или собирать голоса на манер политических партий - напротив. Самое лучшее и самое сложное - это то, что *всё в твоих руках*.

Всё начинается, когда ты решаешь действовать, когда ты действуешь даже после того, как они говорят "Нет", когда говоришь "Мы" и понимаешь, что это значит. И каждый день ты имеешь в виду "Мы+1".

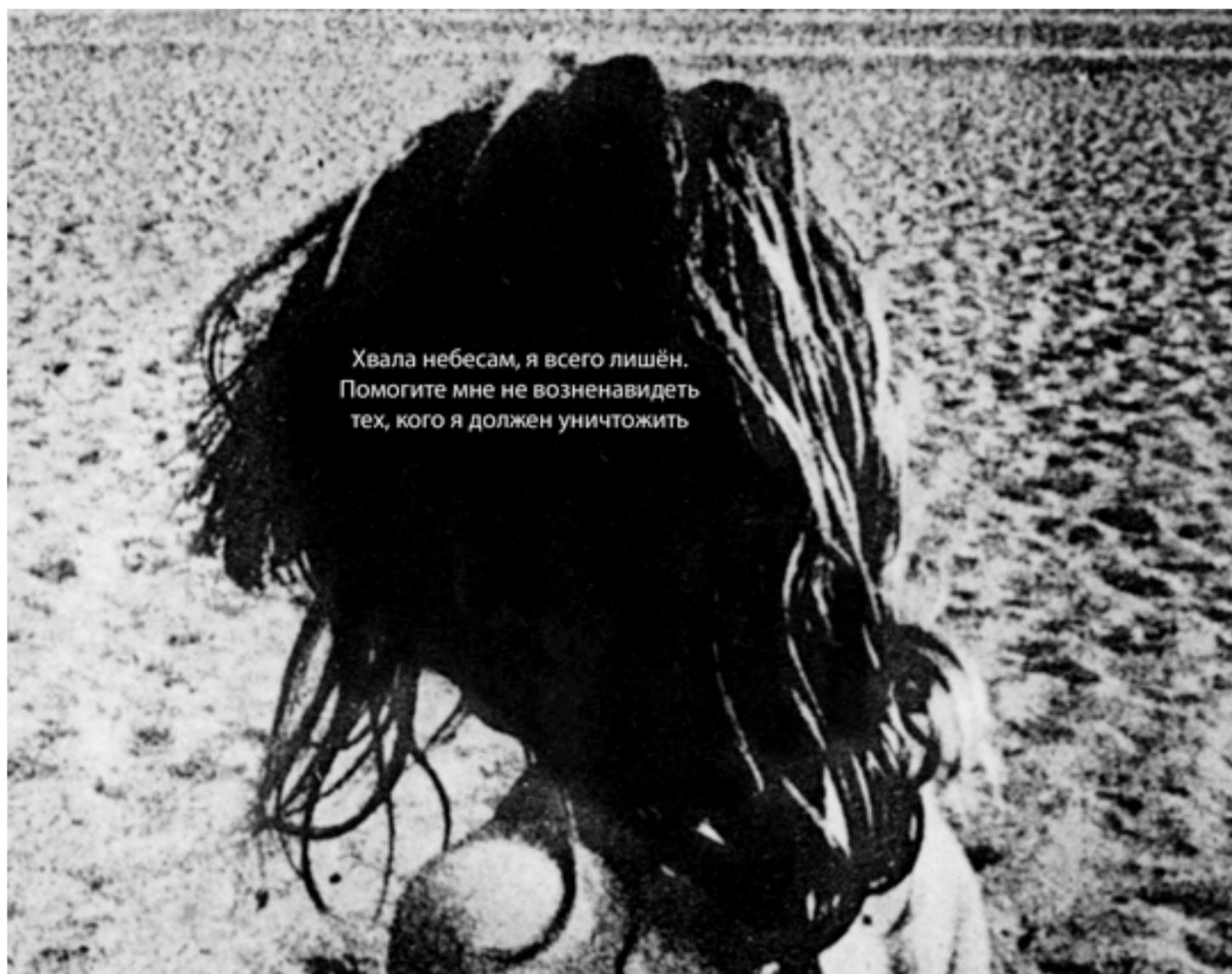

Воодушевляющее заключение

В нашем безумном мире иногда бывают моменты, когда анархия внезапно появляется в воздухе и нашёптывает о спрятанных жизнях, которые можно едва разглядеть за пределами нашей реальности: часы, которые ты проводишь с друзьями после работы; куски постера, оставшиеся висеть на стене в переулке; мгновения, когда ты мастурбируешь или занимаешься любовью, когда ты - не мужчина и не женщина, не толстый и не худая, не бедный и не богатая. В другие моменты, безумие нашей повседневной реальности - исключение, фрагмент, а анархия - это мир, в котором мы живём. Сотни тысяч нас и наших друзей могут создать новую цивилизацию, тысяча может изменить город до неузнаваемости, двое могут писать детские сказки для наших детей - и таким образом посеять семена для миллионов, которые придут после нас.

Когда кто-либо из нас отказывается жить по правилам рэкета, называющегося "общественное мнение" и "необходимость", отказывается от всего ради того, чтобы жить в соответствии со своими мечтами, - весь мир наслаждается этим даром свободы. Когда мы наполняем улицы танцами и огнём, наши тела вспоминают нужные танцы и сами освобождают необходимое для этого пространство. Когда горят горнолыжные станции и разлетаются вдребезги витрины - настаёт момент, в котором "частная собственность" перестаёт быть частной и перестаёт быть собственностью. И мы сами творим нужные нам взаимоотношения со Вселенной, которая внезапно снова стала принадлежать нам и опять видится такой новой и неизведанной. Мы рискуем своими жизнями потому, что знаем, что только так мы можем обрести над ними власть. Увидимся на первой странице последней газеты, которую когда-либо напечатают эти ебланы -

- *Crimethinc. Блок Чёрных Писателей*

the future is unwritten

Crimethink